

Короленко, Гаршинъ, Чеховъ, Андреевъ, Горькій.

(Изъ послѣдней лекціи Ю. И. Айхенвальда.)

Среди русскихъ писателей есть рядъ авторовъ, которые служатъ русскому обществу не только въ качествѣ беллетристовъ, но и дѣломъ. Уже Гл. Успенскій забрасывалъ свое художественное перо для публицистики.

Въ ряду такихъ художниковъ слова видное мѣсто занимаетъ хорошо знакомый нижегородцамъ В. Г. Короленко. Его недавній пятидесятилѣтній юбилей превратился въ общественный праздникъ. И не даромъ: Короленко не только писатель; его жизнь продолжаетъ литературу, и литература—жизнь. Онъ по самому существу своей натуры—заступникъ и защитникъ. Всѣ помнить его гражданскіе подвиги, его публицистическую борьбу. И оттого на компасѣ общественной совѣсти стрѣлка обращается именно туда, куда влечетъ Короленко. И имя этого писателя, воплощающаго высокую человѣчность, навсегда будетъ занесено въ исторію русской общественности, какъ благородно-безпокойнаго искателя правды.

Гуманность отличаетъ и всѣ художественныя созданія Короленко. Читая его произведенія, невольно чувствуешь въ немъ большую совѣсть, которая не застынетъ ни отъ какого мороза. Мороза и холода въ изобиліи послала автору судьба, безжалостно бросившая его, еще юношу, въ дальніе сибирскіе снѣга; но подъ снѣжной пеленой жизни сохранилъ онъ свое горячее сердце и любовь къ страдающему человѣку. И всюду останавливаетъ онъ свой грустный взоръ на бѣдныхъ путникахъ жизни, на обиженныхъ душахъ, на всемъ печальномъ разнообразіи человѣческаго несчастья и безпомощности.

Съ сердечной чуткостью подходитъ онъ къ страдающему человѣку и съ женственной мягкостью прикасается къ чужимъ ранамъ. Привѣтливо и сострадательно относится онъ къ людямъ вообще и даже тѣхъ, кто ему несимпатиченъ, онъ пишетъ въ мягкихъ краскахъ. Онъ осуждаетъ злое дѣло, но не самого дѣятеля. Школой жалости и любви могутъ служить произведенія этого писателя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Короленко—писатель общественный. Онъ всегда обращаетъ взоры на общественные недостатки, на кровоточащія раны нашей дѣйствительности. Даже въ „Слѣпомъ музыкантѣ“ онъ говоритъ не объ одинокой душѣ слѣпца: поговоривъ такъ хорошо о „закрытыхъ окнахъ“ своего слѣпца, авторъ вывелъ его изъ темнаго одиночества, и опять передъ нами общественныя настроенія.

Говоря о людскомъ страданіи, о болѣзненныхъ язвахъ общества, Короленко въ то же время вѣритъ въ „огоньки“, которые такъ привѣтливо сверкаютъ передъ нимъ впереди и манятъ его къ себѣ.

Тѣ же мягкіе тоны, какіе отличаютъ поэзію Короленко, являются характерными и для творчества Гаршина, этого, „рыцаря совѣсти и ея мучителя“. Всѣ произведе-

денія Гаршина подернуты элегической дымкой, но въ этихъ своихъ нѣжныхъ и чистыхъ разсказахъ онъ поставилъ жгучую проблему совѣсти и дѣла; его занимаетъ трагедія: совѣсть и дѣло, сознание и дѣйствіе не совпадаютъ между собою, болѣзненно противорѣчатъ другъ другу.

Въ „Четырехъ дняхъ“ смиренный и добродушный молодой человекъ, съ кроткимъ сердцемъ и жадой самоотверженнаго подвига добровольно идетъ на войну и переживаетъ душевную трагедію, столкнувшись лицомъ къ лицу съ убійствомъ и мучительствомъ. Писатель кроткій, исполненный любви, Гаршинъ часто говоритъ о страшномъ дѣлѣ, о смерти, крови, убійствѣ, но убійство и смерть освѣщены у него внутреннимъ свѣтомъ взыскательной совѣсти, которая глядитъ на васъ изъ-за кроваваго призрака войны.

—

Вторая часть лекціи была посвящена характеристикѣ Чехова, Андреева и Горькаго.

Муза Чехова—муза скорби и печали. И характерно для чеховской скорби то, что къ ея преобладанію онъ пришелъ отъ яркаго комизма. Правда, улыбка не оставляетъ писателя и въ грусти, но она лишь слабый отголосокъ прошлаго. И на чемъ бы ни останавливалъ Чеховъ взглядъ своихъ задумчивыхъ глазъ, все принимало для него яркія очертанія скорби, жизнь онъ претворялъ въ золото печали, въ осеннее золото увядающихъ листьевъ.

Жизнь, какъ она отразилась въ книгахъ Чехова, представляетъ собой обильный выборъ всякаго несчастья и нелѣпости. Чеховъ показалъ ее, какъ смѣшное, какъ печальное, какъ трагическое. Страница за страницей, разсказъ за разсказомъ тянется безоградная панорама. Есть что-то жуткое въ той меланхолической равномерности, съ которой Чеховъ одинъ за другимъ выпускалъ свои темные снимки міра, въ томъ безстрастіи, съ какимъ художникъ тщательно и мастерски воспроизводитъ безконечныя перспективы страданія, всю человѣческую муку. Лютымъ врагомъ Чехова была пошлость, которая, какъ спрутъ, обвиваетъ cadaго, пошлость, мертвящая все, къ чему ни прикасается, останавливающая живое творчество духа, пошлость, этотъ гасильникъ слова, чувства, мысли. Въ теченіе всей своей недолгой жизни онъ, какъ писатель, боролся съ нею; она гналась за нимъ по пятамъ, обдавая его постоянно своимъ мертвымъ отвратительнымъ дыханіемъ. Безутѣшна мать, у которой убили единственнаго ребенка, но священникъ поднося вилку, на которой былъ соленый рыжикъ, равнодушнымъ голосомъ сказалъ ей: „не горюйте о младенцѣ,—таковыхъ есть царство небесное“. Пошлость разнообразна: ея не уловишь во всемъ ея разнообразіи. Чеховъ въ своей погонѣ за воспроизведеніемъ проявленій это „грубой, надменной, нецобѣдимой“ пошлости шелъ по стопамъ Гоголя.

Только свѣтлые женскіе образы встаютъ передъ нами въ произведеніяхъ Чехова, обвѣянные лаской, какой они не знали со временъ Тургенева,—эти тоскующія чайки, которыхъ убили, эти женщины, которыхъ разлюбили.

Обитатели нравственной провинціи или уживаются, мирятся съ обыденностью, и тогда они счастливы своимъ мѣщанскимъ счастьемъ, или они подавлены ею, и тогда они несчастны, тогда они—лишніе, обойденные. Въ тишинѣ вялаго прозябанія „счастливые“ мечтаютъ о своемъ крыжовникѣ, и кислыми его ягодами отгораживаются отъ остальнаго міра, отъ міра страдающаго. А „лишніе“ тоскливо бредутъ по жизни, которая кажется имъ скучной и грубой исторіей, какимъ-то нравственнымъ „третьимъ классомъ“, они тащатъ свою жизнь „волокомъ“. Сиротливыми тѣнями идутъ они по міру и въ жизни, кипящей заботами и трудомъ, они ничего не дѣлаютъ; они не вѣрують въ дѣло своей жизни и плетутся по ней съ потушенными огнями. Но въ то же время они, эти лишніе люди,—аристократы духа: въ траурныхъ одеждахъ своей „тоски и думы роковой“ не спѣша идутъ они среди торопливыхъ дѣльцовъ и, занятые своимъ внутреннимъ міромъ, не замѣчаютъ пестраго говора жизни.

Уныніе неприспособленныхъ чеховскихъ героев принято объяснять исключительно русскимъ безвременьемъ восьмидесятихъ годовъ. Общій духъ историческаго періода, когда зло, въ его государственной формѣ, торжествовало свой исключительный праздникъ и безнаказанно, издѣвательски копирило всѣ лучшія и благороднѣйшія проявленія мысли, слова, вѣры, и когда многіе

въ отчаяніи и апатіи опускали свои „ненужныя руки“, несомнѣнно, этотъ духъ эпохи отразился и на творчествѣ Чехова. Но Чеховская скорбь имѣетъ болѣе глубокую, говорялъ лекторъ, — обще-психологическую основу.

И если бы Чеховъ жилъ въ наши дни, онъ сталъ бы еще задумчивѣй и блѣднѣй, чѣмъ былъ. Не на бодрящую силу русской кровавой грозы, не на красоту всколыхнувшегося народнаго моря, не на бурные эффекты отозвался бы онъ: онъ прежде всего замѣтилъ бы и глубоко перестрадалъ-бы все несказанное горе, которое давитъ нашихъ современниковъ, всѣ эти неудержимые вопли и стоны, которыми звучитъ наша дѣйствительность, которые несутся отъ свѣжихъ могилъ, съ разросшихся кладбищъ.

Перейдя къ характеристикѣ Андреева и Горькаго, лекторъ отмѣтилъ, что для законченной оцѣнки этихъ писателей не пришло пока время: оба они еще не вполне опредѣлились.

Андреева г. Айхенвальдъ сравнилъ съ Эдгаромъ Поэ. Произведенія нашего молодого писателя представляютъ собой безконечную повѣсть объ ужасахъ, отъ которыхъ сжимается сердце, содрагается душа.

Это какая-то ариѳметика ужасовъ. Но эти мрачныя страницы вполне гармонируютъ съ нашей жизнью, столь богатой всевозможными ужасами, страданіями. Поэтому Андреева можно назвать пѣвцомъ нашего времени. Сравнивая Андреева съ Достоевскимъ, лекторъ отмѣтилъ, что Достоевскій изображалъ преимущественно ужасъ внутренній, Андреевъ же воспроизводитъ сцѣпленіе внѣшнихъ ужасовъ, рассказываетъ, какъ въ „Красномъ смѣхѣ“, о народномъ несчастіи, постигающемъ массы.

Горькій писатель болѣе опредѣлившійся. Это пѣвецъ обиженныхъ, угнетенныхъ не столько людей въ настоящемъ, сколько „бывшихъ“ людей. Въ самыхъ низинахъ жизни, въ углахъ нищеты онъ отыскиваетъ людей, духовно мощныхъ. Онъ спускается на самое „дно“ съ горячей вѣрой въ человѣческую „душу живу“. Это писатель — демократъ, плебей—въ этомъ главное его значеніе. Его недостатокъ—частая идеализація, любовь къ слишкомъ яркимъ краскамъ, склонность рисовать людей выше человѣческаго роста. Обиліе разсужденій—недостатокъ горьковскихъ драмъ. Герои его пьесъ больше философствуютъ, чѣмъ дѣйствуютъ.

Заканчивая свою лекцію, г. Айхенвальдъ высказалъ пожеланіе, чтобы его „бѣглый курсъ“ толкнулъ слушателей къ болѣе детальному и глубокому изученію родной литературы.

— Наша литература — наша гордость. Много ужасовъ въ русской жизни, но пока сіяютъ „огоньки“ нашихъ писателей, кошмаръ кровавыхъ ужасовъ не давитъ такъ душу.